

ДЖ. Б. БЯЗРОВА

ПРОГРЕСС. ЧЕЛОВЕК. СВОБОДА

Человек создает материальные и духовные ценности, преобразует окружающий природный и социальный мир, строит города, творит науку, литературу и искусство. Одним словом, все созданное в обществе — дело рук человека. Но чтобы творить, человек нуждается в определенной свободе.

Проблема свободы волновала мыслителей всех времен. Они давали различные определения свободы. Французский философ XVIII века Гольбах, например, подчеркивал, что «свобода — это возможность делать ради своего собственного счастья все то, что не вредит счастью других членов общества»¹. Гегель рассматривал прогресс через призму свободы. Он утверждал, что всемирная история есть прогресс в сознании свободы, прогресс, который следует рассматривать в его необходимости. Ф. Энгельс свободу рассматривал как способность принимать решения со знанием дела. А Э. Фромм отмечал, что «свобода означает не что иное, как способность следовать голосу разума, здоровья, благополучия и совести против голоса иррациональных страстей»².

Приведенные дефиниции свободы (можно привести еще множество других дефиниций) свидетельствуют о том, что каждый исследователь по-своему определял и интерпретировал свободу. Причем эти дефиниции не противоречат друг другу.

Прежде всего следует отметить, что свобода — это социальное понятие. Животные не обладают никакой свободой и не нуждаются в ней. Свобода необходима человеку для создания материальных и духовных ценностей, для того чтобы проявить свои физические и духовные потенции. Такая свобода возможна только в обществе как качественно новом образовании, функционирующем и развивающемся на базе собственных имманентных законов. Но дело в том, что жить в обществе и быть полностью свободным от общества объективно нельзя. Цели человека и цели общества не всегда совпадают. Поэтому возникает противоречие между целями индивида и общества. Это противоречие разрешается по-разному в зависимости от конкретной ситуации, исторических обстоятельств, традиций, обычаев и т. д.

Индивид должен осознать, что в обществе есть определенные моральные нормы, соблюдение которых обязательно для всех членов данного общества. Иначе общество как целостное и самодостаточное социальное образование погибнет. Кроме того, индивид должен осознавать и то, что помимо морального кодекса есть еще юридические законы и нормы, регулирующие отношения общества и личности, общества и государства, классовые отношения и т. д. Таким образом, свобода предполагает деятельность социальных групп, слоев, классов, индивидов при обязательном соблюдении моральных и юридических принципов и законов.

Свобода непосредственно связана со знаниями. Чем больше знает человек о законах объективного мира, об окружающей природной и социальной действительности, тем большей свободой он обладает, ибо может принимать такие решения, которые в рамках конкретных условий для него будут наиболее оптимальными. Поэтому развитый в интеллектуальном отношении человек более свободен, чем человек, лишенный духовных знаний.

---

¹ Гольбах П. Избр. Произв.: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 173.

² Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 94.

Свобода детерминируется социальными и природными условиями жизни человека, и поэтому, на наш взгляд, не прав Ж. П. Сартр, полагающий, что человеческая свобода ничем не детерминирована. Человек не может выскочить за пределы тех жизненных условий, в пределах которых ему приходится жить и работать. Другой вопрос — степень свободы. Она зависит от общего уровня знаний, от богатства, социального и политического положения индивида и т. п. По мере изменения и совершенствования общественных отношений, по мере улучшения жизненных условий человека он становится более свободным, имеет больше возможностей для проявления своих сущностных сил.

Свобода не есть застывшее состояние. Ретроспективный анализ истории человечества свидетельствует, что по мере развития общества по восходящей линии меняется степень свободы. Так, в первобытном обществе человек не выделяет себя из племени, его поступки и поведение регулируются родовыми традициями, сфера его частной жизни либо вовсе отсутствует, либо крайне ограничена.

В эпоху рабовладения наиболее бесправные члены общества — рабы — уже обладают определенной автономией по ведению, выделяют себя из ряда себе подобных, имеют определенный шанс резко изменить (улучшить) свой статус — либо обрести свободу (путем бегства, выкупа или восстания), либо занять более высокое место в социальной иерархии — или среди рабов, или среди свободных членов общества. Известно, что рабы, наделенные природным умом, талантом, смекалкой иногда даже участвовали в управлении государством (институт рабов-вольноотпущенников знатных особ в Древнем Риме).

Еще большей свободы добивается человек при феодальном способе производства. Крестьянин, несмотря на крепостную зависимость (которая к тому же была не во всех странах), имеет возможность владеть землей, орудиями производства. У него есть семья, и он относительно свободно распоряжается своей собственностью и своим временем.

С наступлением капитализма отношения личной зависимости между людьми заменяются отношениями вещной зависимости. Человека никто ни к чему не принуждает, он формально свободен, обладает (в условиях демократии) гражданскими правами. Он может работать или не работать, выбирать профессию, заниматься бизнесом и т. д. Другое дело, что к занятию какой-либо деятельностью его подталкивает экономическая необходимость (на современном Западе, где безработные получают пособие, действует не только экономическая, но и моральная необходимость, так как быть безработным, то есть меньше потреблять, профессионально не расти и т. п., — **не престижно**).

Свобода человека в условиях капитализма выражается в том, что, в отличие от предшествующих эпох, человек полностью распоряжается собой, он — юридически свободная личность и является собственником своего «Я».

Но парадокс буржуазной свободы состоит в том, что формально все свободны, а реально никто не свободен: не свободны лица наемного труда, так как боятся потерять работу, не свободны и работодатели, так как боятся обанкротиться, не свободны и так называемые «лица свободных профессий» (писатели, художники, дизайнеры, артисты и т. п.), ибо их доходы не отличаются стабильностью.

Капитализм формирует особый тип характера личности, который Э. Фромм назвал «рыночным характером». Человек постоянно вынужден приспособливаться к новым условиям жизни, к новым порядкам, поскольку жесткую конкуренцию выдерживают те, кто быстро адаптируется к новым обстоятельствам. «У людей с

рыночным характером нет иных целей, кроме постоянного движения, выполнения всех дел с максимальной эффективностью, и если спросить их, почему они должны двигаться с такой скоростью, почему они стремятся к наибольшей эффективности, то на этот вопрос у них нет настоящего ответа, они предлагают одни лишь рационализации типа «чтобы было больше рабочих мест» или «в целях постоянного расширения компании»³.

Рыночный человек свободен, и как таковой он должен искать оптимальный вариант для реализации своих возможностей.

В системе протестантской этики, как известно, если некто преуспевает в интенсивной, постоянной мирской деятельности, которой он себя посвящает, то это лучший из всех возможных знаков — знак его избранности, благодати и грядущего спасения. Следуя той же логике, можно утверждать, что если кто-то ленив, бездарно тратит время, отдается удовольствиям, то на нем явно лежит знак проклятия.

Хорошая, прилежная работа не означает, что ею можно завоевать спасение, но она служит земным знаком божественной **милости**. Успех, достижения в деятельности, особенно измеряемые в общественных денежных единицах, устраняют беспокойство, восстанавливают уважение и через механизм, который современные социологи называют «самоисполняющимся пророчеством», приносят еще больший успех.

Таков «первотолчок» от традиционной экономики к современной капиталистической системе. Так фактически происходит «обмен» свободы воли на божественную благодать (предопределение). Сначала в протестантизме, а затем и в реальном капитализме свобода может быть определена как возможность выбора той или иной формы (или системы) зависимости (несвободы), в которой весь потенциал человеческой личности (в нашем случае - рыночный потенциал) может быть максимально раскрыт.

Будучи мобилизованными для деятельности и успеха, которые призваны служить знаками спасения, люди начинают, сравнивать свои достижения. Конкуренция становится образом жизни. Не потребление, а накопление капитала, не использование прибыли, а ее вложение в развитие — такова единственно рациональная стратегия для того, чтобы гарантировать успех в конкуренции на рынке предпринимательства.

Аналогично этому упорная, эффективная работа становится единственной стратегией для гарантии успеха в конкуренции на рынке труда. Если предприниматель не подчиняется этому принципу, то предприятие прекращает свое существование. Если не подчиняется рабочий, то он теряет работу. Тенденцией системы становится максимизация эффективности, что придает ей динамизм и силу для дальнейшего распространения вширь.

В этот момент система начинает действовать сама по себе, воспроизводиться без поддержки со стороны религии.

Открытия Г. Маркузе и рядом других философов феномена «одномерного человека», феномена «репрессивного сознания» явились серьезным симптомом кризиса современного им (50—60-е годы) западного общества, кризиса, который дает знать о себе до сих пор.

Согласно Г. Маркузе, человеческий разум, породивший технологическую цивилизацию, обеспечившую его необходимыми благами, должен заново определиться, поскольку основная функция этой физической и экономической выживаемости человека

---

³ Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. С. 193.

— давно выполнена. Человек должен выйти за пределы вещной зависимости к свободному развитию своих сущностных сил.

Основная сложность состоит в преодолении вековой инерции технологической цивилизации и связанных с ней стереотипов человеческого сознания. Человек должен перестать быть фактическим придатком машины (в реальности он перестал быть таковым, но на уровне сознания все еще таковым является). Напротив, машина должна служить тем или иным свободным потребностям человека. Человек фактически, по Маркузе, давно перерос по уровню своих возможностей и духовных потребностей те формы зависимости, которые ему навязаны и в условиях которых он продолжает действовать.

Почему человека Маркузе называет одномерным? Потому что одномерность в его понимании есть синоним отчужденности, овеществленного состояния, синоним сведения какого-либо объекта лишь к одной из его характеристик, наиболее удобной для практики манипулирования этим объектом. Одномерность означает также элиминацию внутренней дихотомии объекта (содержательного единства его противоположных характеристик), элиминацию внутреннего протеста в человеке, его внутренней противоречивости, благодаря которой человек только и является цельным существом.

Одномерность человека и мира не может быть продолжительна, пока существует господство «технической рациональности», то есть отношение со стороны технической цивилизации к миру как сумме вещей, представляющих интерес только как объекты возможной эксплуатации.

«Только технология превращает человека и природу в легко заменяемые объекты организации. Универсальная эффективность и производительность аппарата, который регламентирует их свойства, маскируют специфический интерес... Иными словами, технология стала великим носителем в его наиболее развитой и действенной форме. Дело не только в том, что социальное положение индивида и его взаимоотношения с другими, по-видимому, определяются объективными качествами и законами, но в том, что эти качества и законы, как нам кажется, теряют свой таинственный и неуправляемый характер; они предстают как поддающиеся исчислению проявления (научной) рациональности»⁴.

Требуются новые способы, пути реализации человеческой личности, которые бы отвечали новым возможностям общества. Но поскольку такие новые способы равносильны отрицанию прежних преобладающих способов реализации, они могут быть указаны только в негативных терминах. Поэтому свобода означала бы свободу от экономики — от контроля со стороны экономических сил и отношений, свободу от ежедневной борьбы за существование и зарабатывания на жизнь, а политическая — освобождение индивидов от политики, которую они не могут реально контролировать. Подобным же образом смысл интеллектуальной свободы — в возрождении индивидуальной мысли, поглощенной в настоящее время средствами массовой коммуникации и воздействия на сознание, в упразднении «общественного мнения» вместе с его изготовителями. «То, что эти положения звучат нереалистично, указывает не на их утопический характер, но на мощь тех сил, которые препятствуют их реализации. И наиболее эффективной и устойчивой формой войны против освобождения является

---

⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 121.

насаждение материальных и интеллектуальных потребностей, закрепляющих устаревшие формы борьбы за существование»⁵.

Необходима, таким образом, по Маркузе, своего рода революция в сознании, избавление от множества ложных потребностей, порожденных соблазнами технократической цивилизации. Удовлетворение разного рода ложных потребностей, под которыми Маркузе чаще всего подразумевает потребности, связанные с престижным потреблением, модой, с поддержанием того или иного социального статуса (жить в престижном районе города, иметь автомашины, костюмы определенных марок и т. п.), отнимает у человека львиную долю времени и сил, так что у него не остается возможности задуматься о смысле собственной жизни, уделить внимание своему внутреннему миру.

Основным временем в жизни человека должно стать не рабочее, а прежде всего свободное время, то есть время, когда он может быть самим собой, принадлежать самому себе. Механизм общественного прогресса, согласно Маркузе, может и должен быть переориентирован во благо человека, а не во имя какой-либо политической и технической эффективности. «Понятие «прогресса» вовсе не нейтрально, оно преследует специфические цели, определяемые возможностями улучшения условий человеческого существования. Развитое индустриальное общество приближается к такой стадии, когда продвижение вперед может потребовать радикального изменения современного направления и организации прогресса. Эта стадия будет достигнута, когда автоматизация материального производства (включая необходимые услуги) сделает возможным удовлетворение первостепенных потребностей и одновременное превращение времени, затрачиваемого на работу в маргинальное время жизни... Такое понятие предвосхищено понятием Маркса «упразднение труда»⁶.

Апелляция к Марксу имеет у Г. Маркузе и у многих других левоориентированных мыслителей 50—60-х годов XX века особое значение. Г. Маркузе, Т. Адорно и ряд других близких им исследователей отталкивались в своих основных работах от проблематики отчуждения человека, которой много внимания уделял К. Маркс и истоки которой впервые обнаруживаются у Гегеля. Как отмечает Ю. Давыдов: «Отчуждение рассматривалось Гегелем как необходимая историческая фаза развития духовной реальности на пути самопознания, утверждения этой реальности на своих собственных разумных, научных и других основаниях...»⁷.

С введением понятия отчуждения религиозное различие божественного и человеческого, этическое различие «доброе» и «злого» сменилось спекулятивно-философским (гносеологическим, теоретическим) различием «истинного» (неотчужденного, пребывающего в самом себе) и «неистинного» (отчужденного, имеющего свою сущность не себя). При этом различие у Гегеля «истинного» и «неистинного» не совпадают с различием «реального» и «нереального».

«Неистинное» (отчуждение) выступало в гегелевском рассмотрении как нечто, имеющее вполне достаточное природное или историческое основание для своего существования. Отчуждение — это судьба всего, что совершается в пространстве и во времени до тех пор, пока оно покоится на исторических (или природных) основаниях, а не на основаниях «чистого разума», «чистой логики». Всякая историческая акция человека

⁵ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 5 – 6.

⁶ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 21 – 22.

⁷ История теоретической социологии. М., 1998. С. 125.

должна иметь своим результатом отчуждение, которое снимается в последующих исторических актах только для того, чтобы появились новые, все более универсальные его формы.

Но то, что является отчуждением на одном этапе исторического развития, по своей собственной логике приходит к отрицанию себя. Каждая из форм отчуждения — это не только новое свидетельство разрыва между историческими деяниями людей и результатами этих деяний, но и новая ступенька на пути к неизбежному, по Гегелю, финалу истории — к «абсолютному знанию».

Поражения так же учат людей, как и победы, а историческая неудача нередко оборачивается благодеянием для народа.

Фейербах актуализировал гегелевское понятие отчуждения. Он придал ему новый смысл, истолковав проблему отчуждения как проблему фактического положения конкретных индивидов. Именно Фейербаху Маркс обязан теоретическим интересом к этому понятию, которое занимает важнейшее место в мировоззрении автора «Капитала».

Согласно Марксу, умение и сила трудящегося человека, его самостоятельность и его интеллект (все эти качества, необходимые для осуществления производственного процесса) опредмечиваются (предметно воплощаются) в системе машин. А поскольку сама эта система принадлежит капиталу, поскольку он использует ее таким образом, что от самого трудящегося этих качеств уже не требуется в процессе производства, они как бы «атрофируются» у него, поскольку упомянутое опредмечивание выступает как отчуждение, превращающее систему машин в силу, враждебную личности рабочего. В лице капиталиста, обладателя системы машин, «мертвый труд» выступает как абсолютный господин «живого труда» рабочего.

Актуальность проблематики отчуждения человека в XX веке подчеркивает, наряду с Г. Маркузе и другими леворадикальными теоретиками, также и французский социолог Ф. Перру. Он возрождает гегелевское отождествление опредмечивания и отчуждения. Он полагает, что отчуждение — это опредмечивание, навязанное человеку, когда он лишается самосознания и самостоятельного действия. С этой точки зрения отчуждение можно трактовать как экзистенциальную судьбу человека, оно есть постоянный вызов историческому существованию человека, и так обстоит дело во всех западных обществах «со времен греко-латинской античности»⁸.

Ф. Перру пишет, что не капитализм как таковой в современном мире отчуждает людей, а промышленность и политическая власть индустриального общества. Недостаточно ликвидировать капитализм для устранения отчуждения. В современную эпоху нужно понять, что отчуждение присуще экономике и политике промышленного развития XX века.

Отчуждение воспроизводится в конфликтах, возникающих между людьми в ходе их взаимодействия в производственном, политическом и иных процессах. Существует как экономическое, так и политическое отчуждение, поскольку бюрократический аппарат управления ставит перед собой задачу повышения эффективности производства, забывая при этом о человеке.

Кроме того, на уровне политики и государства происходит отчуждение людей от власти. Люди не принимают участия в решении тех или иных политических вопросов или, по крайней мере, никак не могут повлиять на их решение. Отчуждение от власти, от

---

⁸ Perrou F. Alienation et societe industrielle. Paris, 1970. P. 77.

механизма принятия жизненно важных для него решений — общая проблема современных обществ (этот вид отчуждения Маркс подробно не рассматривал). Проблема отчуждения человека от власти, будучи очень важной для судеб демократии, не решена ни на Востоке, ни в России, ни на Западе.

Так, возьмем современные формы демократии, прежде всего выборы в различные представительские органы. Казалось бы, народ решает, кого ему избирать, кому передать власть, кому нести ответственность за те или иные успехи экономики, политики и т. д. На самом деле сознанием народа манипулируют средства массовой информации. На выборах побеждают не самые достойные, а те, кто может влиять на СМИ. Это могут делать богатые и власть имущие.

У значительной массы людей атрофировано чувство общественного долга, широко распространились потребительски-гедонистические настроения. Ради возможности больше предаваться досугу... массы готовы доверить элите бремя Частной ответственности, принимая собственную пассивность как должное. Как пишет Ж. Фурастье: «...массы предаются досугу, тогда как элиты несут бремя профессионального долга»⁹.

Все выше сказанное подводит к выводу о том, что общественный прогресс может быть связан с человеческой свободой только при условии, что сама эта свобода должным образом мотивирована, пронизана высокими духовно-нравственными ценностями. Злоупотребление свободой обычно связано с забвением человеком собственных обязанностей по отношению к окружающим.

Дисбаланс между правами и обязанностями человека в этом мире грозит достичь разрушительных, тупиковых масштабов. Когда все предъявляют свои права и никто не берет на себя обязанностей, мир на глазах превращается в ад, в джунгли социал-дарвинизма. Одностороннее гипертрофированное обособление так называемых «прав человека» не оправдало себя. Только соизмерение прав с обязанностями может придать свободе человека конструктивный и созидательный характер. Только такая свобода способствует прогрессу человечества.

---

⁹ Fourastie J. Des Loisirs: pour quoi faire? Paris, 1970. P. 128.